

УТВЕРЖДАЮ:

Проректор по научной работе
Национального исследовательского
Томского государственного универси-
тета

Ивонин И.В.

(подпись)

2016г.

Печать организации

ОТЗЫВ

ведущей организации

**Федерального государственного автономного образовательного учрежде-
ния высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»
на диссертацию Ковалева Александра Сергеевича
«Реализация социальной политики Советского государства
в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920-1930-х гг.»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Диссертация А.С. Ковалева подготовлена на актуальную и научно значи-
мую тему, посвященную изучению реализации государственной социальной
политики в отношении нетрудоспособного населения в переломные периоды
становления советского государства – в годы нэпа и форсированного строи-
тельства социализма в СССР. Это актуальная, мало исследованная и в то же
время достаточно важная тема, в том числе и для современного этапа социаль-
но-политического развития России. В настоящее время Россия переживает пе-
рестройку всей системы социальной защиты, сопоставимую с исследуемым пе-
риодом ее истории. Под вопросом оказалось создание эффективной и результа-
тивной модели социальной помощи инвалидам и пожилым людям как наиболее
нуждающимся в поддержке гражданам. В 1920-1930-х гг. перед страной стояли
не менее сложные проблемы, когда власти стали уделять внимание построению
справедливого общества на началах социальной ответственности перед теми,

кто не может принимать полноценного участия в жизни социума. Исторический опыт может способствовать пониманию необходимости формирования разноплановой социальной политики, не только ориентированной на социальное обеспечение в виде пенсий или помещения в дом престарелых и инвалидов, но и направленной на активизацию потенциала нетрудоспособного населения.

Диссертация выполнена с соблюдением основных требований к структуре квалификационной работы: она состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Введение отвечает своему назначению, в нем содержатся формулировки актуальности, степени изученности темы, предмета, цели, задач, хронологических и территориальных рамок, методологии исследования, документальной базы, новизны и практической значимости исследования, перечень основных положений, выносимых на защиту.

Говоря о введении, следует отметить четкие представления автора о научной значимости темы, предмете и задачах исследования, его актуальности, о временных и пространственных рамках, источниках ее изучения. Историография проблемы достаточно полна, автором верно показаны основные тенденции и итоги историографии темы, что позволило ему точно поставить задачи исследования. В историографическом обзоре автор справедливо отмечает, что отдельные вопросы нашли отражение в сибирской историографии, однако они не дают целостного представления о ней. Действительно, библиография изучаемой проблемы довольно ограничена, как в общероссийском, так и в региональном ее аспекте. Тем важнее предпринятое автором изучение архивных материалов в центре и на местах – диссертация построена на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот, что придает ей особую ценность. Анализ документальной базы диссертации также вполне удовлетворяет требованиям докторской диссертации. Квалифицированно проведена классификация источников, оценена полнота и достоверность их информации, достаточные для решения поставленных в исследовании задач.

В основной части диссертации последовательно раскрываются задачи исследования. На наш взгляд, они хорошо соотносятся с положениями, вынесенными автором на защиту, получив достаточное обоснование и доказательство.

В первой главе анализируются общие вопросы становления советского подхода к решению социальных проблем нетрудоспособного населения. Рассмотренные автором причины и предпосылки становления новой концепции социальной помощи показывают, что доминирующим субъектом социальной политики становится государство. Важным является вывод о том, что причинами перехода социальной ответственности от представителей частной и общественной благотворительности к государству стали отмирание института семейной поддержки в ходе урбанизации и индустриализации, а также понимание того, что все население имеет право на помощь и защиту. Однако

здесь же автор добавляет, что очень скоро идеи эгалитаризма уступили место закреплённому тем же государством новому социальному неравенству.

В этом же ключе рассматриваются особенности трансформации социального статуса нетрудоспособных лиц во втором параграфе главы. Автор приходит к выводу, что инвалиды и пожилые люди составляли единую группу нетрудоспособных, но при этом объем получаемой нетрудоспособным человеком помощи зависел от его принадлежности к той или иной категории инвалидов, подробную иерархию которых автор приводит в этом разделе текста.

В третьем параграфе представлены представления государственных и общественных деятелей, а также ученых из смежных областей по поводу социального положения нетрудоспособных, а также рекомендации по организации мероприятий социальной направленности, обеспечивающих их включение в общество. Автор отмечает важность теории «активного трудоустройства» нетрудоспособных лиц, которая оформилась в этот период и способствовала обоснованию феномена «работающего пенсионера».

Во второй главе диссертации рассматриваются отдельные направления социального обеспечения в отношении нетрудоспособного населения Сибири.

В первом разделе анализируются нормативные, организационные, финансовые аспекты становления и развития пенсионного обеспечения инвалидов, круг обеспечиваемых, численность инвалидов, получавших пенсию, и ее размеры в динамике.

Второй раздел посвящен анализу проблем протезно-ортопедической помощи и реализации мер дополнительной социальной поддержки. Автором подробно описываются причины медленного развития протезирования в Сибири, среди которых называются отсутствие учета нуждающихся, высокая стоимость изделий, слабые возможности самих протезов в качестве средств трудовой реабилитации. Кроме того, здесь же представлены такие виды поддержки, как выдача единовременных материальных пособий и натуральной помощи, предоставление разного вида льгот, медицинской и санаторно-курортной помощи. Справедливым следует признать вывод о том, что эта практика помощи была наиболее эффективной в 1920-х гг., когда государство было неспособно создать полноценную систему пенсионного обеспечения, и со временем уступила место прочим видам социальной помощи, в первую очередь, трудоустройству инвалидов.

Вопросы занятости нетрудоспособных граждан рассматриваются в третьем разделе этой главы. Проблемы профессионального обучения и трудоустройства инвалидов вполне обоснованно рассредоточены автором в отдельные параграфы. В одном из них основное место занимают инвалидные артели, в другом – обучение и организация занятости инвалидов и пожилых людей в промышленность. Параграф, посвященный развитию инвалидной кооперации, является одним из самых больших и значимых в диссертации. В сибирской историографии проблемы развития кооперации в 1920-

1930-х гг. освещались достаточно подробно, но впервые представлен «инвалидный» ракурс, рассматривающий особенности организации артельного дела, соединение трудоустройства в инвалидные артели с прочими видами социальной помощи, характеристику предприятий инвалидной кооперации с указанием размеров заработной платы и т.п. Автором и в параграфе, посвященном пенсионному обеспечению, и в этом проведен подробный анализ регулярных «чисток» лиц, имевших право на социальное обеспечение, и сделан вывод о том, что они имели не только политические, но и социально-экономические цели, одной из которых было стремление перевести всех сохранивших работоспособность артельщиков на промышленные предприятия и в учреждения.

Тем самым автор органично переходит к вопросам политики занятости нетрудоспособных граждан в период индустриализации. Здесь им показаны основные направления трудоустройства инвалидов (бронирование рабочих мест, занятость в производственной сфере, особое трудоустройство инвалидов по слуху и зрению, устройство инвалидов в колхозы и совхозы), специфика профессионального обучения нетрудоспособных, которое в Сибири было связано с задачами общего образования, охарактеризованы прочие региональные особенности политики занятости инвалидов в Сибири. Среди них: слабое развитие промышленности в Сибири и ограниченные возможности для трудоустройства инвалидов, неготовность как инвалидного сообщества (иждивенческая позиция), так и здоровых работников (видевших в инвалидах конкурентов) к совместной деятельности, отсутствие реальной правовой защищенности работающих инвалидов и пожилых работников.

Третья глава посвящена организации социальной помощи нетрудоспособному населению Сибири в инвалидных домах.

В первом разделе представлена система инвалидных домов в Сибири в исследуемый период, рассматривается их роль в реализации задач государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных граждан, автор рассматривает их типологию, характеризует правовые, организационные и управленческие основы деятельности этих учреждений. Можно согласиться с утверждением автора о некоторой противоречивости устройства нетрудоспособных лиц в инвалидные дома, которая проявилась в том, что, с одной стороны, государству удалось обеспечить помощью в этих учреждениях тех, кто не имел других возможностей для выживания, а с другой – органы власти фактически изолировали в них инвалидов и престарелых. Также автор указывает на то, что в Сибирском регионе там, где промышленные процессы шли более интенсивно, инвалидные дома устраивались для героев труда, персональных пенсионеров, ударников, а где, как в Восточной Сибири, преобладало крестьянское население, стали появляться первые дома для престарелых колхозников.

Далее автор анализирует условия проживания, материально бытового обеспечения, качество питания и медицинского обслуживания обитателей инвалидных домов.

На большом фактическом материале А.С. Ковалев анализирует усилия органов социального обеспечения по созданию комфортной среды для тех, кто был вынужден доживать свой век в подобных заведениях, и приходит к выводу, что сами учреждения были слабо приспособлены для нужд и потребностей беспомощных инвалидов и стариков и, несмотря на значительные формальные достижения в области организации питания и медицинского обслуживания, не способствовали сохранению самостоятельности инвалидов и их полноценной жизни. Свои наблюдения автор подтверждает многочисленными конкретными примерами, дающими полное представление об организации помощи в сибирских инвалидных домах.

В третьем разделе главы рассмотрены особенности повседневной жизни обитателей инвалидных домов. Автор останавливается на проблемах трудовой активности обеспечиваемых, организации их свободного времени и досуга, изучает особенности поведения обитателей инвалидных домов, вопросы автономности и самостоятельности при проживании в регламентированных условиях.

Диссертант на примере вовлечения инвалидов в элементарную трудовую деятельность показывает, что принудительность во всех ее проявлениях вызывала стойкое отрицание со стороны проживающих, но в случаях, когда инвалиды были лично заинтересованы в сохранении жизненных сил, несмотря на слабость и здоровье, они сами занимались посильной трудовой деятельностью.

В одном проблемном поле у автора оказались вопросы культурно-просветительской работы, вероисповедания и девиантного поведения, и он убедительно доказывает, что организаторов социального обеспечения и руководителей в инвалидных домах мало заботили реальные запросы проживающих. Непродуманность культурной работы вкупе с воинствующим атеизмом приводили к распространению различных видов девиаций, в которые сами обитатели инвалидных домов вкладывали определенный смысл.

Наряду с этим изучены вопросы социальной активности и самостоятельности обеспечиваемых в «закрытых» учреждениях. Хорошо показана реакция руководителей инвалидных домов на попытки проживающих быть самостоятельными – стремление всячески ограничить жизнедеятельность инвалидов и стариков, загнать их в рамки режима. Ответной реакцией стала самозащита прав и интересов проживающими, которая выражалась в жалобах в вышестоящие инстанции. Автор сумел классифицировать все обращения на несколько групп и сделать вывод о том, что проживающие в инвалидных домах старались максимально долго сохранять независимость и жить полноценной жизнью, но для органов социального обеспечения те, чей труд нельзя было использовать, они и их потребности интереса не представляли.

С основными выводами автора, изложенными в заключении можно согласиться, они вполне корректны и обоснованы. Диссертант выделяет два периода в реализации государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных в Сибирском

регионе, каждый из них подробно описан. А.С. Ковалев убедительно доказывает, что практику социальной помощи инвалидам и старикам в исследуемый период можно назвать «прагматичным гуманизмом», в котором соединялись задачи государства в области экономического развития и стремление создать эффективную систему поддержки нуждающимся.

Автор выявляет несколько «инвариантов» государственной социальной политики, сохранившихся в практике социальной защиты нетрудоспособных лиц в XXI веке: роль медицинского и трудового факторов в экспертизе инвалидности, некоторые принципы пенсионного обеспечения по старости, сохранение феномена «работающего пенсионера», традиции социального обеспечения в стационарных учреждениях. При этом А.С. Ковалев указывает и на те достижения социальной политики Советского государства, которые в нынешних условиях оказались невостребованными (устройство в инвалидные артели, бронирование мест на предприятиях и в учреждениях и т.п.).

Также, в свете «антропологического поворота» современной исторической науки можно отметить такое достоинство представленного диссертационного сочинения, как интерес автора к личностному началу в истории, ибо за судьбами людей можно увидеть судьбу народа. Обращение к личным историям нетрудоспособных граждан служит хорошей иллюстрацией того, насколько проводимая Советским государством социальная политика в отношении инвалидов соответствовала их потребностям.

Текст диссертации изобилует различными аббревиатурами, в связи с этим очень уместной находкой автора выглядит список сокращений, приведенный в конце работы (С. 554 - 555).

Наряду с несомненными достоинствами работы необходимо отметить некоторые недостатки. За пределами внимания автора оказался ряд исследований, напрямую касающихся тематики его диссертации. Это статьи П.В. Романова «Человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд». Советская социальная политика, 1920-1940-е гг. // Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: сборник научных статей. Ростов н/Д., 2009. С. 43-59», А.Ю. Колесниковой «Правовая политика Советского государства в отношении инвалидов в 30-е гг. XX в. // Вопросы экономики и права. 2015. № 8(86). С. 17-20», Н.В. Воробьева «Городская и рабочая кооперация Сибири в 1921 - 1925 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000», Он же. «Городская и рабочая кооперация Сибири в 1921 - 1925 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010».

Тем более, что выводы этих исследователей в основных чертах совпадают с выводами диссертанта (по тем вопросам, которые они изучали независимо друг от друга).

Так, например, А.С. Ковалев заключает, что «В 1920-х гг. приоритетным было трудоустройство инвалидов в артели. Целевой группой привлекаемых в деятельность артелей нетрудоспособных лиц в Сибири стали инвалиды войны III группы и инвалиды

труда низших групп, которые не пользовались дополнительной социальной поддержкой... Реального содействия в области кооперирования инвалидов фактически в этот период никто не оказывал, за исключением некоторых финансовых и налоговых льгот...» (С. 503). «... в годы форсированного строительства социализма производственное направление в развитии инвалидной кооперации полностью поглотило торговое и стало обязательным для всех предприятий инвалидов. Для инвалида-сибиряка участие в кооперации было способом сохранять в течение длительного времени социально-трудовую активность и самостоятельно поддерживать свое существование, прокормить себя и свою семью... Государство предоставило инвалидам возможность зарабатывать, и они ей успешно пользовались... В 1921–1928 гг. организация инвалидной кооперации в регионе стала наиболее успешной альтернативой всеобщему пенсионному обеспечению нетрудоспособных граждан. В начале 1930-х гг. инвалидная кооперация в стране была упорядочена и стала одним из обычных направлений политики занятости нетрудоспособного населения. В Сибири в этот период под предлогом «очищения» артелей от классово-чуждого элемента участников инвалидных артелей вернули обратно в традиционные отрасли народного хозяйства» (С. 504).

А.Ю. Колесникова пишет: «... Согласно Положению о кооперации инвалидов таковая, продолжая оставаться одной из форм социального обеспечения, имела целью не только материальное обеспечение инвалидов посредством их трудоустройства, но и вовлечение инвалидов в “дело социалистического строительства”. Положение ставило задачи, права первичных артелей инвалидов и их объединений, порядок вступления в члены. Поскольку государство перешло к плановой экономике, деятельность кооперации инвалидов строилась на основе общих планов деятельности и контрольных цифр, устанавливаемых для всей системы кооперации инвалидов. По-прежнему основным средством правовой политики Советского государства в отношении объединений инвалидов, стимулирующим их деятельность, являлись привилегии и льготы. Кроме налоговых льгот, предусмотренных для других видов кооперации, и особых льгот, предоставленных кооперативным объединениям инвалидов, устанавливались дополнительные льготы. В частности, кооперативные объединения инвалидов оплачивали единую государственную пошлину в размерах, установленных для учреждений, состоящих на государственном бюджете. Данные объединения оплачивали арендные помещения в размере 50 % от минимального тарифа, установленного для государственных и кооперативных предприятий. Также кооперативные объединения инвалидов освобождались от внесения залога для участия в торгах, организованных государственными и муниципальными предприятиями и учреждениями. Кроме того, данные объединения пользовались пре-имущественным правом по сравнению с другими соискателями при найме помещений для производственных, торговых и складских целей в муниципализированных и национализированных домах, а также при аренде мест на торговлю из переносных торговых помещений (ларьков, киосков, палаток и т. д.)»; «Таким образом, правовая политика в отношении кооперативных объединений инвалидов по-прежнему осуществлялась посредством установления для них льгот и преимуществ». (Колесникова А.Ю. Правовая политика Советского государства в отношении инвалидов в 30-е гг. XX в. // Вопросы экономики и права. 2015. № 8(86). С. 17, 18).

В свою очередь П.В. Романов отмечает: «В качестве важнейшей задачи органов социального обеспечения провозглашается активная плановая работа по рационально обоснованному трудоустройству, обучению и переобучению инвалидов, вырабатываются показатели распределения инвалидов по предприятиям. Работа эта осуществлялась путем существовавших еще с 1920-х гг. специализированных артелей и кооперативов, бронирования рабочих мест и деятельности специальных советов по трудоустройству инвалидов в областях, районах, городах. Но и с этой группой граждан работа проводилась с применением классового подхода: «...в среду инвалидов проникают классово-чуждые элементы, которые, ничего общего не имея с инвалидами войны, именуют себя инвалидами, а сами занимаются различного рода темными делами (стоят в очередях и спекулируют, содержат шинки и т.д.) К числу таких «инвалидов» относятся в той или иной мере утратившие трудоспособность кулаки, бывшие торговцы, белогвардейцы и другие классово-чуждые элементы». (Романов П.В. Человек всегда имеет право на учебу, отдых и на труд». Советская социальная политика, 1920-1940-е гг. // Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: сборник научных статей. Ростов н/Д., 2009. С. 43-59).

Использование этих работ увеличило бы фундированность диссертационного исследования А.С. Ковалева.

С другой стороны, не совсем понятно, чем полезными для исследователя оказались монографии известного российского исследователя социолога А.Г. Вишневого «Избранные демографические труды: В 2 т. М.: Наука, 2005» и «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 2010). Они упоминаются в историографическом разделе и в списке **использованных** источников и литературы, однако в основном разделе диссертации ссылки на них отсутствуют.

Автор недостаточно использует сравнительно-исторический метод исследования и не проводит сравнений с другими регионами СССР и другими странами. Это показало бы специфику Сибири.

В списке использованных источников и литературы существует раздел «А», заголовков которого сформулирован как «Законодательные материалы», с чем согласиться трудно т.к. ни одна из существующих классификаций источников не содержит такой дефиниции (С. 512).

В конце списка использованных источников и литературы (С. 553) в разделе «8» приведены т.н. «электронные ресурсы». В этой связи хотелось бы заметить, что нахождение (хранение) источников, либо литературы в сети интернет все-таки не является квалифицирующим их по виду признаком. Их следовало бы разместить в разделе, например, «исследования».

Не свободна диссертация и от некоторых недостатков по оформлению. Первые сноски на многих страницах оформлены как «там же», что является упущением в оформлении текста (С. 22, 32, 99, 111, 132, 137, 140, 141, 142, 144, 145, 147, 149, 150, 151, 156, 158, 159, 164, 165, 167, 175, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 193, 195, 197, 200, 207, 208, 209, 210, 213, 216, 222, 223, 225, 226, 228, 232, 234, 235, 236, 238,

239, 241, 249, 257, 260, 251, 262, 263, 264, 267, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 281, 283, 285, 286, 289, 292, 294, 301, 304, 305, 309, 318, 323, 324, 326, 327, 328, 331, 334, 335, 336, 350, 354, 362, 363, 364, 371, 375, 376, 381, 408, 411, 412, 416, 419, 422, 429, 431, 433, 435, 442, 443, 445, 446, 451, 458, 463, 465, 467, 469, 471, 477, 478, 479, 480, 483, 484, 487, 489, 490, 491, 493, 496).

Высказанные замечания не снижают ценности работы. Диссертацию А.С. Ковалева отличают глубина анализа, логичность построения, хороший научный литературный стиль. Работа вносит определенный вклад в изучение истории реализации социальной политики в Сибири и дает добротную основу для будущих исследований поставленных автором проблем.

Научная значимость диссертации А.С. Ковалева определяется тем, что его изыскания в отношении социалистического преобразования жизненного мира сибирских инвалидов с учетом многообразия их категорий, позволяют заполнить значительные пробелы в истории государственной социальной политики советского периода, а также приблизиться к объективной оценке государственной политики в отношении всего населения в указанный период. Стоит также отметить, что исторических исследований, детально исследующих не только социальную политику и ее реализацию в регионе, но и само бытие инвалидов в Сибири до диссертационного исследования А.С. Ковалева не существовало. В этом и состоит как значение его работы, так и ее новизна, что и подтверждается огромным фактическим материалом, содержащимся в основной части работы.

Практическая значимость работы также не вызывает сомнений. Результаты работы могут быть использованы для изучения проблем государственной социальной политики в России, при разработке лекционных курсов по истории и краеведению. Основное содержание диссертации отражено в монографии, 20 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК, а также в ряде других публикаций.

Автореферат отражает основное содержание диссертации. Диссертация соответствует специальности 07.00.02 – Отечественная история по содержанию, целям, задачам, предмету исследования.

Представленную к защите диссертацию можно квалифицировать как крупное научное достижение, важное для развития отечественной истории, она соответствует критериям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук (п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а сам Александр Сергеевич Ковалев заслуживает присвоения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовили: д.и.н., профессор В.П. Зиновьев, д.и.н., профессор С.Ф. Фоминых, к.и.н., доцент А.В. Литвинов.

Отзыв обсужден и утвержден на совместном заседании кафедр отечественной истории и современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета 16 ноября 2016 г., протокол № 16 кафедры отечественной истории, протокол № 4 кафедры современной отечественной истории.

Зиновьев Василий Павлович

Доктор исторических наук

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Профессор, заведующий кафедрой отечественной истории,

Декан исторического факультета

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский

Томский государственный университет»

Адрес: 634050, Томск, проспект Ленина, 36.

Тел. (3822) 52-98-52, факс (3822) 52-95-85.

www.tsu.ru

e-mail: rector@tsu.ru

Фоминых Сергей Федорович

Доктор исторических наук,

Специальность 07.00.09. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории,

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования

«Национальный исследовательский

Томский государственный университет»

Адрес: 634050, Томск, проспект Ленина, 36.

Тел. (3822) 52-98-52, факс (3822) 52-95-85.

www.tsu.ru

e-mail: rector@tsu.ru